

ПРИМАТ И СОБОРНОСТЬ В ПРАВОСЛАВНОМ ПОНИМАНИИ

Преосвященнейший
Иларион (Алфеев),
епископ Венский и
Австрийский

Московская Духовная Семинария—1989; Московская Духовная Академия, кандидат богословия—1991; Оксфордский университет (Великобритания), доктор философии—1995; Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (Франция), доктор богословия—1999; Фрибургский университет (Швейцария), приват-доцент—2005.

В православной традиции тема примата тесно связана с темой церковного авторитета, которая, в свою очередь, для православного богослова неотделима от понятия «кафоличности», или «соборности».

Как известно, в силу разных исторических обстоятельств Православная Церковь никогда не имела и до настоящего времени не имеет единой административной структуры управления. «Первым среди равных» в ряду Предстоятелей Поместных Православных Церквей признается Патриарх Константинопольский, который с византийских времен носит титул «Вселенского», однако ни данный титул, не первенство чести не дают Константинопольскому Патриарху никаких юрисдикционных прав вне пределов своего собственного Патриархата.

Примат Константинопольского Патриарха складывался постепенно, и решающими событиями в его формировании были возвышение Константинополя в качестве столицы империи и усвоение ему статуса «нового Рима» в IV веке и разделение Церквей в XI веке. II Вселенский собор (381 года) своим 3-м правилом постановил: «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по римском епископе, потому что град сей есть новый Рим». IV Вселенский собор (451 года) дал следующую мотивацию этого решения: «Престолу ветхого Рима отцы прилично дали преимущество, поскольку это был царствующий град. Следуя тому же побуждению, и 150 боголюбнейших епископов предоставили равные преимущества святейшему престолу Нового Рима, правильно рассудив, чтобы город, получивший честь быть городом царя и синклита и имеющий равные преимущества с ветхим Римом, и в церковных делах был возвеличен подобно тому, и был вторым после него». Таким образом, первенство Римского епископа воспринималось восточными Отцами не как

обусловленное преемством этого епископа от апостола Петра, а как основанное на политическом значении Рима как столицы империи. Точно так же, преимущества Константинопольского престола вытекали не из его древности (Иерусалимский, Александрийский и Антиохийский престолы были древнее) и не из каких-либо иных церковных предпосылок, а исключительно из политического значения Константинополя как «города царя и синклита».

После же того, как единство между Западной и Восточной Церквами в XI веке было нарушено, первенство чести среди Православных Церквей как бы автоматически перешло к Константинопольскому Патриарху. Это первенство сохранилось за ним и после того, как Константинополь в середине XV века прекратил быть «городом царя и синклита» и Византийская империя перестала существовать. Во времена Османской империи Константинопольский Патриарх обладал привилегиями «этноарха» греческой нации и фактически возглавлял все православное население этой империи. Однако за пределы Османской империи его власть не распространялась. Формирование в XIX–XX веках национальных государств на территориях, некогда подвластных туркам, привело к возникновению новых автокефальных церквей вне юрисдикции Константинополя.

В настоящий момент существует 15 Поместных Православных Церквей, каждая из которых является полностью самостоятельной в вопросах внутреннего управления и никоим образом не подчиненной Константинополю. Данная структура управления порождает целый ряд неудобств, одним из которых является отсутствие верховного арбитра в тех случаях, когда возникает разногласие или конфликт по церковно-политическим вопросам между двумя или несколькими Поместными Церквами. В православной традиции не существует механизма, который обеспечивал бы уре-

гулирование подобного рода разногласий. Поэтому в каждом конкретном случае вопрос решается по-разному: иногда созывается некое межправославное совещание, решения которого, впрочем, имеют лишь консультативный характер и не обладают обязательной силой для той или иной Поместной Церкви; в других же случаях две Церкви, находящиеся в состоянии конфликта, ищут решение путем двусторонних переговоров или привлекают посредника.

Еще одним неудобством, порождаемым отсутствием единой административной системы управления в Православной Церкви, является невозможность урегулировать вопрос о пастырском окормлении так называемой «диаспоры». Суть проблемы заключается в том, что Константинопольский Патриархат с 1920-х годов претендует на право церковной юрисдикции над теми странами, которые не принадлежат к православной традиции, тогда как другие Поместные Церкви имеют свои диаспоры в Европе, Америке и на других континентах и не собираются от них отказываться. В результате в некоторых городах Европы, например, имеется по несколько православных епископов, каждый из которых окормляет паству своей Поместной Церкви. Вопрос пастырского окормления диаспоры может быть решен лишь Всеправославным Собором. Подготовка к такому Собору велась достаточно интенсивно на протяжении тридцати лет (начиная с 1960-х и вплоть до начала 1990-х годов), однако в настоящий момент фактически приостановлена из-за разногласий между Церквами по вопросу о том, каким должны быть статус Собора и его повестка дня.

Итак, в Православной Церкви в мировом масштабе не существует какого-либо внешнего механизма обеспечения «соборности», нет внешнего авторитета, - в лице ли одного человека или в форме коллегиального органа, - который гарантировал бы единство Церкви в церковно-политических

вопросах. Это, однако, не означает, что соборность в Православной Церкви существует только в теории, а не на практике. Практически соборность на межправославном уровне выражается, во-первых, в том, что все Поместные Православные Церкви имеют между собою полное евхаристическое общение. Во-вторых, Православные Церкви заботятся о сохранении единства вероучения, для чего в необходимых случаях созываются межправославные совещания. В-третьих, Предстоятели или официальные представители Церквей время от времени встречаются друг с другом для обсуждения важных вопросов или обмениваются посланиями. Таким образом, даже в отсутствие Всеправославного Собора Православная Церковь во всемирном масштабе сохраняет свой соборный, кафолический характер, несмотря на отсутствие четких механизмов обеспечения этой соборности.

Вообще в православной традиции понятие соборности гораздо органичнее связано с идеей местной Церкви¹, чем с идеей Вселенской Церкви как совокупности местных Церквей. Первоначально Церковью Христовой была община учеников Спасителя в Иерусалиме: это и была та самая единая, святая, соборная и апостольская Церковь, которая обладала всей полнотой церковности и кафоличности. Уже в I веке христианские общины стали возникать вне Иерусалима, и каждая местная община воспринималась не как часть Вселенской Церкви, а как сама «кафолическая» Церковь во всей ее полноте. Гарантом кафоличности каждой местной Церкви, то есть Церкви конкретного места, было наличие в ней единого евхаристического собрания, возглавляемого епископом как избранным Предстоятелем народа Божия.

Именно такая экклезиология характерна для ранних Отцов Церкви, в частности, для священномученика Игнатия Богоносца. В своих посланиях Игнатий неустанно подчеркивает первенствующую роль еписко-

па как главы евхаристического собрания, утверждая, что «на епископа должно смотреть как на Самого Господа» (Еф. 6). Все в Церкви должно совершаться с ведома епископа: «Без епископа никто не делай ничего, относящегося к Церкви. Только та Евхаристия должна почитаться истинною, которая совершается епископом или тем, кому он сам предоставит это... Непозволительно без епископа ни крестить, ни совершать вечерю любви; напротив, что одобрит он, то и Богу приятно» (Смирн. 8). И далее: «Почитающий епископа почтен Богом; делающий что-либо без ведома епископа служит диаволу» (Смирн. 9). Игнатий постоянно подчеркивает необходимость единства пресвитеров и диаконов со своим епископом: «Епископ председательствует на месте Бога, пресвитеры занимают место собора апостолов, а диаконам вверено служение Иисуса Христа (Маги. 6); «Пресвитерство так согласно с епископом, как струны в цитре» (Еф. 4). Народ Божий, по учению Игнатия, должен «почитать диаконов как заповедь Иисуса Христа, а епископа - как Иисуса Христа, Сына Бога Отца, пресвитеров же — как собрание Божие, как сонм апостолов» (Трал. 3). Эта экклезиология ведет Игнатия к следующей классической формуле: «Где будет епископ, там должен быть и народ, так же как где Христос, там и кафолическая Церковь» (Смирн. 8).

Первенствующая роль епископа, по учению ранних Отцов, обусловлена тем, что он занимает место Христа в евхаристическом собрании. Именно это понимание объясняет тот факт, что так называемый монархический епископат - один епископ в каждой евхаристической общине или Церкви - стал общепринятым в Древней Церкви². Будучи единоличным возглавителем Церкви данного места, епископ, тем не менее, управляет Церковью не единолично, а в соработничестве с пресвитерами и диаконами. Епископ не обладает церковной властью или авторитетом сам по себе, в силу

полученного им сана: он является священнослужителем внутри местной церковной общины, которая доверила ему это служение. Вне церковной общины служение епископа теряет смысл и действенность.

В рамках местной Церкви примат епископа является безусловным и безоговорочным. Для православной традиции, основанной как на богословском наследии Отцов Древней Церкви, в частности священномученика Киприана Карфагенского, так и на более поздних полемических сочинениях византийских богословов, всякий епископ, а не только епископ Рима, является преемником апостола Петра. Крупный византийский богослов XIV века (кстати, закончивший свои дни в лоне Католической Церкви) Варлаам Калабрийский пишет: «Каждый православный епископ есть викарый Христа и преемник апостолов; так что, если все епископы вселенной отпадут от правой веры и только один останется хранителем правых догматов... в нем спасется вера божественного Петра». И далее: «Епископы, поставленные Петром, являются преемниками не одного Петра, но и других апостолов; в равной мере, епископы, рукоположенные другими, являются преемниками Петра»³.

Обетование, данное Петру, согласно этой точке зрения, распространяется не только на Римскую Церковь, но и на всякую местную Церковь, возглавляемую епископом: «Вы умудряетесь превратить Петра в учителя одного только Рима, - пишет неизвестный автор византийского антилатинского трактата, - когда Божественные Отцы толкуют обетование, данное ему Спасителем, как имеющее католический смысл и относящееся ко всем веровавшим и верующим. Вы стараетесь дать ему ложное и узкое толкование, относя его к одному Риму. Тогда совершенно непонятно, как не только одна Римская, а всякая Церковь имеет Спасителя и как основание ее лежит на Камне, то есть на исповедании Петра, согласно обетованию»⁴.

Каким образом католичность местной Церкви соотносится с католичностью Церкви во вселенском масштабе? Протоиерей Иоанн Мейендорф так определяет данное соотношение: «Идея местной⁵ Церкви, возглавляемой епископом, который обычно избирается всей Церковью, но облачается при этом харизматической и апостольской функциями как преемник Петра, есть доктринальное обоснование соборности, как это вошло в практику с III века. Ибо евхаристическая экклезиология предполагает, что каждая местная Церковь, хотя ей принадлежит полнота католичности, всегда находится в единении и содружестве со всеми другими Церквями, причастными той же католичности. Епископы не только несут нравственную ответственность за эту общность: они соучаствуют в едином епископском служении... Каждый епископ совершает свое служение вместе с другими епископами, потому что оно тождественно служению других и потому что Церковь одна»⁶. Как говорит священномученик Киприан Карфагенский, «епископство одно, и каждый из епископов целостно в нем участвует»⁷.

Все сказанное выше о «местной Церкви» относится к той церковной единице, которую на современном языке принято называть «епархией», то есть возглавляемой одним епископом Церковью одной области (страны, территории). В современном православном словоупотреблении понятие «Поместная Церковь» закреплено за более крупными церковными образованиями - группами епархий, объединенными в Патриархата, митрополии или архиепископии. На этом уровне принцип примата уступает место коллегиальным формам управления. На практике это означает, что Предстоятель Поместной Церкви является «первым среди равных» между епископами своей Церкви: он не вмешивается во внутренние дела епархий и не обладает прямой юрисдикцией над ними, хотя ему и усваиваются некие коор-

динирующие функции в вопросах, выходящих за пределы компетенции отдельного епархиального архиерея.

Права и обязанности Предстоятеля в разных Поместных Церквях определяются по-разному, однако ни в одной Поместной Церкви Предстоятель не имеет верховной власти: везде и повсюду верховной властью обладает собор. Так, например, в Русской Православной Церкви высшая догматическая власть усваивается Поместному Собору, в котором, помимо архиереев, участвуют клирики, монахи и миряне, а высшей формой иерархического управления является Архиерейский Собор. Что касается Патриарха Московского и всея Руси, то он управляет Церковью совместно со Священным Синодом в перерывах между соборами, и его имя возносится во всех епархиях перед именем правящего архиерея. В Элладской Православной Церкви Поместный Собор с участием мирян отсутствует; высшая власть принадлежит Архиерейскому Синоду, председателем которого является Архиепископ Афинский и всей Эллады; в храмах за богослужением, однако, поминается Синод, а не Архиепископ.

Объединение местных Церквей в более крупные церковные единицы восходит к III-IV векам и закреплено в каноническом праве Православной Церкви. 34-е Апостольское правило гласит: «Епископам всякого народа подобает знать первого среди них и признавать его как главу, и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения, творить же каждому только то, что касается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех». 4-е правило I Вселенского собора (325 г.) предписывает осуществлять поставление епископа всем, или по крайней мере трем епископам данной области; утверждение же рукоположения должно осуществляться митрополитом.

Таким образом, уже в IV веке вырисовывается такая система, при которой каждый епископ обладает полнотой иерархической власти внутри своей церковной области (епархии), однако во всем, что превышает его компетенцию, он должен соотноситься с другими епископами через первого из них — митрополита. Свое поставление он получает от собора епископов. Митрополит же, подобно прочим епископам, управляет своей епархией, где (и только где) обладает полнотой епископской власти; в то же время он начальствует над другими епископами митрополии во всем, что выходит за рамки их собственной церковной власти. Митрополит не может вмешиваться во внутренние дела епархий, но обеспечивает единство епархий между собой и решает спорные вопросы. Решает он их, впрочем, не единолично, а в согласии с прочими епископами. Именно так на практике осуществляется принцип соборности в рамках митрополии.

В эпоху I Вселенского собора существовало несколько церковных областей, обладавших правами митрополий. В частности, 6-е правило этого собора упоминает епископов Александрии и Антиохии как обладающих, наряду с епископом Рима, властью над епископами своих областей, а 7-е правило такой же властью наделяет епископа Иерусалимского. (В этот же период существовали и другие митрополии, как, например, Ефеса, Кесарии Каппадокийской, Ираклии, Милана, Карфагена⁸, однако в дальнейшем их значение стало ослабевать). После провозглашения Константинополя столицей Восточной империи достоинство митрополита получил епископ Константинополя, причем, как уже упоминалось, на IV Вселенском соборе ему было определено второе место после епископа Римского. Впоследствии он получил наименование «Патриарха». В конце I тысячелетия в византийском богословии получила развитие идея «пентархии», в соответствии с которой Вселенская Церковь возглавляется пятью Патриархами

-Римским, Константинопольским, Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским. Именно эти Церкви, а также те, что возникли впоследствии, в православной традиции принято называть «Поместными», или автокефальными.

Известно, что уже в эпоху Вселенских Соборов наметилось серьезное расхождение между Востоком и Западом в понимании первенства Римского епископа. На Западе усиливалась тенденция, постепенно приводящая к восприятию Римского епископа как верховного первосвященника Вселенской Церкви, обладающего правом утверждать решения ее соборов. На Востоке Римского папу воспринимали как Предстоятеля Поместной Римской Церкви и «первого среди равных», не считая, что решения Вселенских Соборов нуждаются в его утверждении. На данную тему написано много исследований, и нам нет необходимости подробно на ней останавливаться. Тем не менее, следовало бы хотя бы в общих чертах обозначить те рамки, в которых примат Римского епископа мог бы быть признан православными Церквями в том случае, если бы христиане Востока и Запада объединились в одну Церковь.

Прежде всего, признание примата Римского епископа должно быть обусловлено восстановлением единства веры, единства догматического предания Древней Неразделенной Церкви. «Не надо противоречить латинянам, - писал в XV веке св. Симеон Солунский, - когда они говорят, что Римский епископ - первый; это первенство не вредно для Церкви. Но пусть только они покажут, что он верен вере Петра и преемников Петра; тогда пусть он имеет все привилегии Петра, пусть он будет первым, главою всех и верховным архиереем... Пусть он только держится православия Сильвестра и Агафона, Льва, Ливерия, Мартина и Григория, тогда и мы назовем его апостольским мужем и первым из архиереев; тогда мы будем подвластны ему не только как Петру, а как Самому Спасителю»⁹. Путь к

восстановлению единства веры лежит, таким образом, через двусторонний диалог между богословами Католической и Православной Церквей: в ходе этого диалога католики, по мнению православных, должны доказать, что их вера тождественна вере Древней Неразделенной Церкви.

Вопрос о юрисдикции Римского епископа над епископами Православных Церквей в случае восстановления единства должен тоже решаться в рамках православно-католического диалога. Было бы безответственным сейчас пытаться предвосхитить результаты этого диалога. Приведенные слова Симеона Солунского как будто бы даже свидетельствуют о готовности православных, в случае восстановления единства веры, быть «подвластными» Римскому епископу, однако более вероятным представляется, что православные Патриархи будут согласны принять лишь «первенство чести», а не примат юрисдикции Римского епископа. По всей видимости, православные не возражали бы против того, чтобы епископ Рима, как и в древние времена, пользовался привилегиями «первого среди равных», и, может быть, даже обладал некими координирующими функциями в рамках Вселенской Церкви. Однако вряд ли они пошли бы на признание папы единым главой вселенского христианства, что противоречило бы всей многовековой богословской традиции Восточной Церкви.

Категорически неприемлемым для православного сознания является догмат о «непогрешимости» (или «безошибочности», *infallibilitas*) Римского папы в вопросах вероучения, когда он говорит *ex cathedra*. Этот догмат I Ватиканского собора, по мнению православных, ставит папу над Церковью, ибо определяет, что постановления папы не подлежат изменениям «по собственной присущей им силе и независимо от одобрения Церкви». В Православной Церкви ни один епископ, включая Предстоятелей Поместных Церквей, не обладает безошибоч-

ностью «независимо от одобрения Церкви»: именно одобрение Церкви является гарантом истины и главным инструментом соборности.

Наконец, следовало бы сказать о том, что вопрос о примате в рамках Вселенской Церкви не решен и внутри мирового Православия, что значительно осложнит прогресс в обсуждении данной темы между православными и католиками. Все православные согласны с тем, что у Православной Церкви во вселенском масштабе нет единого Предстоятеля, единого верховного первосвященника. Однако православные расходятся в понимании примата и роли Константинопольского Патриарха. Очевидно, серьезное и ответственное обсуждение темы примата на межправославном уровне должно предшествовать богословскому диалогу на данную тему между православными и католиками. В противном случае православные не смогут в этом диалоге выражать единую точку зрения, что неизбежно заведет диалог в тупик.

Суммируя сказанное о соотношении принципов примата и соборности в Православной Церкви, можно, кажется, утверждать, что принцип примата в православной традиции наиболее полно выражен на уровне отдельной епархии, где верховная власть принадлежит епископу, управляющему епархией в согласии с клиром и мирянами. Принцип соборности, напротив, наиболее полно выражен на уровне Поместной Церкви, управляемой собором архиереев во главе с соборно избранным Предстоятелем. На всеправославном уровне принцип примата вообще до конца не уяснен, а принцип соборности существует без каких-либо стабильных механизмов его воплощения в жизнь. При такой децентрализованной структуре управления кому-либо из католиков может вообще показаться чудом, что Православная Церковь до сих пор сохраняет «единство духа в союзе мира» (Еф. 4:3) и не распалась

на множество самостоятельных, не находящихся в общении друг с другом, церковных образований.

В Римско-Католической Церкви, напротив, насколько можно судить, принцип примата находит наиболее полное выражение в служении Римского епископа, чья юрисдикция распространяется на все без исключения подразделения этой Церкви: каноническая власть прочих епископов вытекает из власти Римского первосвященника как преемника Петра. Если в православной традиции Собор является высшим органом власти, которому подчинены все без исключения епископы, и непогрешимость усвоется всей Полноте Церковной, то в католической традиции папа стоит выше Собора, и именно ему - вне зависимости от соборов и даже как будто бы от самой Церкви - усвоется непогрешимость. Многим православным кажется парадоксальным и необъяснимым тот факт, что, несмотря на полную централизацию власти в Католической Церкви и ее концентрацию в руках одного лица, в ней по-прежнему созываются соборы епископов.

Насколько две представленные выше экклезиологические модели совместимы, может показать только полноценный диалог по вопросу о примате между Католической и Православной Церквями. Однако такой диалог требует тщательной подготовки, которая предполагает серьезные богословские усилия как со стороны католиков, так и со стороны православных. Хотелось бы выразить надежду на то, что такие усилия будут предприняты и диалог состоится.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы употребляем термин «местная Церковь» во избежание терминологической путаницы, порождаемой употреблением в данном контексте термина «Поместная Церковь», имеющим в современном словоупотреблении иной смысл (об этом см. ниже).

² Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Что такое Вселенский Собор? В кн.: Православие в современном мире. Клин, 2002. С. 98.

³ Цит. по: Протоиерей Иоанн Мейендорф. Апостол Петр и его преемство в византийском богословии. В кн.: Православие в современном мире. С. 141.

⁴ Цит. по: Там же. С. 136.

⁵ У автора: Поместной.

⁶ Протоиерей Иоанн Мейендорф. Что такое Вселенский Собор? В кн.: Православие в современном мире. С. 100-101.

⁷ О единстве Кафолической Церкви, 5.

⁸ См. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Т. I. М., 2001. С. 204.

⁹ Диалог против ересей XXIII (PG 145, 120 AC).